

Доктор Роджер Грин, Реформация в настоящее время, Лекция 5, Жан Кальвин

© 2024 Роджер Грин и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роджер Грин в своем курсе истории церкви, сессия 5 о Жане Кальвине.

В основном, обсуждение должно быть сосредоточено на текстах. Теперь мы можем задавать вопросы лекторам, но мы действительно хотим, чтобы они сосредоточились на учебниках и убедиться, что мы получаем все, что должны из этих учебников, хорошо? Так что вы хотите принести свои тексты на эти пятничные сессии.

Итак, на следующей неделе мы делаем то же самое. В среду вы даете мне три вопроса, а в пятницу мы снова в логове льва. Разница в том, что на следующей неделе я также собираюсь взять экзамен с собой, потому что это последний день, когда мы вместе перед экзаменом, который будет в понедельник.

Итак, я собираюсь принести экзамен с собой и убедиться, что вы охватили все свои базы с этого экзамена. Убедитесь, что, возможно, есть некоторые вопросы, которые вы должны были задать, но не задали, и я здесь, чтобы помочь. Так что, если я скажу что-то вроде, вы можете увидеть это снова в своей жизни, вы должны воспринимать это как намек.

Это значит, что это на экзамене. Так что я здесь, чтобы оказать всю возможную помощь. Мы как раз там, где должны быть на лекциях, так что мы этому радуемся.

Хорошо, давайте помолимся, а затем начнем.

Наш милостивый Господь, мы останавливаемся в начале недели, чтобы обратить наши сердца, наши умы и наше внимание к Тебе, подателю всех благ и тому, кто дал нам это призвание как студентам. И мы постоянно молимся, чтобы мы были усердны в этом призвании, потому что это приносит честь Тебе и нам самим.

Итак, мы благодарим вас за вас самих, и мы благодарим вас за полное и совершенное откровение вас во Христе, которое было дано вам через Святого Духа и Писания. Мы благодарны за это. И мы также благодарим вас за людей, которые были верны Царству Божьему, верны церкви, верны провозглашению Евангелия.

Иногда, в моменты великих страданий, мы думаем о Жане Кальвине, и мы благодарим вас за его жизнь и за его служение. И мы молимся, чтобы вы были с нами, когда мы будем изучать его жизнь и служение и пытаться понять его во времена, в которые он жил, и почему было так важно сказать то, что он сказал. Поэтому мы благодарим тех людей, на чьих плечах мы стоим сегодня.

Итак, друг за друга, на этой неделе мы молимся, чтобы в нашей жизни было всякое свидетельство благодати, как в нашей личной жизни, так и в нашей совместной корпоративной жизни. Мы молимся, чтобы Ты был с этими студентами в среду и пятницу без этого занятия, но с другими обязанностями, и чтобы это была хорошая неделя для них по Твоей благодати. Итак, мы молимся об этом с радостью во имя Христа, Господа нашего. Аминь.

Хорошо. Что ж, это лекция номер два, Теология Жана Кальвина.

Просто как напоминание здесь, в понедельник утром, трудно начать в понедельник утром, я думаю, но просто как напоминание, мы начали с его жизни, просто с некоторых основных моментов жизни Кальвина. Я делаю это, может быть, с четырьмя или пятью действительно важными людьми в курсе, чтобы поместить их в их контекст, в их время и так далее. Ваш учебник также делает что-то из этого, так что это как-то полезно для вас.

А потом мы говорили о его работе. Чем он занимался, когда был в своем служении? И мы упомянули три или четыре вещи о его работе. Во-первых, мы упомянули, что он был своего рода омбудсменом, своего рода посредником между разными точками зрения, особенно среди Реформации, как бы стоял посередине.

У него не было натуры Лютера, который был очень богат. Лютер не был организован, он был драчуном и борцом. Кальвин не был таким; он был скорее посредником. Мы также упоминали, что он пытался использовать Женеву как своего рода город Божий, образцовый город для Реформации.

Он основал Женевскую академию. Я думаю, это есть в ваших заметках. Надеюсь, это так, но он основал Женевскую академию, и именно туда приходили люди и изучали теологию и основные идеи Реформации, которые они могли взять с собой домой.

Так что это было очень важно. Некоторым людям не нравится слово «систематизатор». Я не думаю, что в этом слове есть что-то плохое.

Я думаю, что он был хорошим систематизатором, хорошим организатором теологии. Поэтому он взял то, что узнал от таких людей, как Лютер, который не

был организованным систематизатором , и привел это в порядок. Он говорит нам, что институты — это упорядоченный счет.

Итак, он это сделал. Он также помогает нам понять принципы теологии, особенно как организовать теологию и как заниматься теологией. Когда-нибудь мы приведем институты и прочитаем с самого начала институтов.

Вся мудрость, которой мы обладаем, то есть истинная и здравая мудрость, начинается со знания Бога и нас самих. Вот как он решил подойти к теологии методологически. Мы знаем о Боге, мы знаем о себе, а затем остальная часть книги пытается распаковать это знание Бога и нас самих.

Так что это, безусловно, было правдой в отношении его работы. Хорошо. Теперь, есть ли какие-либо вопросы прямо по этому поводу, его жизни, его работе? Мы все с этим определились? Хорошо.

Мы сейчас перейдем к его теологии. И в его теологии мы попытаемся выбрать пять элементов его теологии, которые были очень важны в ответе на Римско-католическую церковь и средневековый католицизм, с которыми он столкнулся. Итак, во-первых, вы можете видеть, что если вы используете план на странице 12, мы сначала дадим введение.

Затем, два по шесть будут пятью теологическими областями для Жана Кальвина. Итак , давайте сделаем введение. На самом деле, есть довольно много вещей, которые я должен сказать в качестве введения.

Итак, если вы меня потерпите. Хорошо. Первым делом, в качестве вступления, скажу, что есть четыре совершенно разных ветви Реформации.

И мы просто хотим посмотреть, где он вписывается во все это. Итак, есть лютеранская ветвь Реформации. Мы не говорим об этом много.

Мы немного упомянули Лютера, но это своего рода начальная ветвь Реформации. Есть кальвинистская ветвь Реформации, которая будет нас интересоваться в этом курсе. Мы поговорим о его теологии.

Есть английская Реформация при таких людях, как Генрих VIII. Вот где это началось. И мы на самом деле собираемся прочесть лекцию об английской Реформации и попытаться понять, что там происходило.

В-четвертых, есть анабаптистское крыло Реформации, которое называется левым крылом Реформации или радикальным крылом Реформации. Мы ссылаемся на это. Мы не тратим время на то, чтобы подробно рассказать об истории анабаптистов в этом курсе, но мы ссылаемся на нее.

Конечно, ваши учебники тоже ссылаются на это. Но это четыре отдельных ветви Реформации, которые мы хотим запомнить. Хорошо, теперь следующее, что я хотел бы сделать в качестве введения, это рассмотреть влияния на Жана Кальвина.

Что повлияло на него? Что побудило его встать на путь его теологии? И это не в порядке важности. Это просто то, что пришло на ум. Хорошо, первое, что побудило его и мотивировало, было ответвление философии, известное как номинализм.

Теперь, одна из вещей, которую мы хотим сделать в этом курсе, это продолжать спрашивать себя, какова связь философии и теологии? Как они соотносятся друг с другом? Как они говорят друг с другом? Или есть ли связь между философией и теологией? Может быть, философию и теологию следует рассматривать более отдельно. Однако Жан Кальвин был очень хорошо осведомлен о философии и очень хорошо осведомлен о номинализме. Хорошо, теперь мы могли бы потратить все наши следующие 16, 15, 14 недель на номинализм.

Номинализм очень, как бы это сказать, сложен. Так что в основном номинализм был философским движением, называемым современным путем, которое, в некотором смысле, противостояло реализму, который был разработан такими людьми, как Платон. Номинализм был философским движением, которое действительно проложило путь для наук в философском плане, в этом нет никаких сомнений.

Итак, единственное, что нас интересует в номинализме, это то, что номиналисты, которые были склонны к теологии, говорили о суверенной воле Бога. И они говорили о суверенной воле Бога, как будто она была полной сама по себе. Была абсолютная суверенная воля Бога.

И это был довольно суровый взгляд на Бога, так чувствовал Кальвин. Он находился под влиянием номинализма, но Кальвин сказал, знаете ли, что понимание Бога на самом деле должно быть немного опосредовано Божьей справедливостью, Божьей мудростью и Божьей любовью. Бог не является произвольно суверенным.

И были номиналисты, которые говорили, что Бог суверенен и что в этом есть произвол, который мы никогда не сможем понять, так что мы даже не должны пытаться. Кальвин вообще не купился на это. Кальвин сказал, что вы никогда не поймете суверенную волю Бога, если не поймете, как это работает через его мудрость, через его любовь, через его благодать и через его справедливость.

Есть своего рода модификация номинализма Кальвином. Но он, безусловно, находился под влиянием номинализма, под влиянием философии и был готов использовать философию для формирования своей теологии. Но были времена, когда он должен был сказать: вот где я стою отдельно от других номиналистов, которые являются теологами.

Я думаю, они ошибаются, говоря о суверенной воле Бога, как будто эта суверенная воля Бога была какой-то абсолютной суверенной волей. Хорошо, номинализм — это одно влияние, хорошо? Второе влияние было из-за его французского происхождения. В его писаниях была точность, которую вы не найдете у Лютера, например.

У Жана Кальвина была ясность мысли и ясность выражения, чего вы не найдете у Мартина Лютера. Кто-нибудь из вас случайно не лингвист? Я, конечно, нет. Но я думаю, когда вы читаете по-французски, в этом больше ясности, чем когда вы читаете по-немецки, особенно когда вы читаете немецких теологов.

Когда читаешь немецких теологов, иногда начинаешь с одной страницы, а потом все еще читаешь одно предложение на странице или около того. Это может быть сложно и запутанно. Но в языке Кальвина есть ясность, а в языке Лютера ее не было, в этом нет никаких сомнений.

Вот это номер два. Ладно, номер три. Номер три — он, без сомнения, находится под влиянием гуманизма.

Теперь давайте просто дадим определение гуманизму в этом средневековом мире. Помните, что человек... Это не обязательно плохой термин. Гуманизм был своего рода переоценкой, переосмыслением греков и римлян, греческой и римской мысли, греческих и римских философов, греческих и римских писателей и так далее.

Итак, гуманизм как бы пытался принести это... Переосмыслить, переупорядочить и переоценить в этом смысле. И в каком-то смысле можно сказать, что культура Кальвина была культурой гуманизма. Он, конечно, учился гуманизму в университетах, куда ходил и где учился, и в этом нет никаких сомнений.

Итак, теперь мы хотим отметить, что в гуманизме Кальвин не считал культуру и церковь обязательно антитетичными. Так что есть вещи, которым можно научиться у культуры. Есть вещи, которым церковь может научиться у культуры.

Если церковь действительно хочет говорить с культурой, есть вещи, которым она может научиться у культуры. С культурой может быть разговор. Он признал недостатки культуры.

Если есть культура, которая пытается быть сформированной без ссылки на Бога или ссылку на Христа или ссылку на церковь, он признает недостатки гуманизма и в культуре. Но он не был человеком, который сказал, что культура полностью падшая, церковь полностью хорошая, культура полностью падшая, и эти двое не должны разговаривать друг с другом. Поэтому нам нужно принять это к сведению.

Он многому научился у гуманизма. Он очень хорошо разбирается в греках и римлянах. Так что это номер три.

Ладно, мы недавно упомянули номер четыре, но я просто упомяну его здесь, потому что с точки зрения влияния на него, особенно на написание его теологии, он был обучен юриспруденции. Он рассуждает как юрист. У него очень осторожный, продуманный, точный аргумент, чтобы сделать ради Евангелия.

И очень трудно спорить с Кэлвином, скажу я вам. Согласны вы с ним или нет, его аргументы порой герметичны, юридически герметичны. Так что это номер четыре.

Номер пять, конечно, Реформация, очень сильно под влиянием Реформации. И мы упоминали, что когда он поехал учиться в Париж, одним из первых, кого он читал, был Лютер. И я не думаю, что есть какие-либо сомнения в том, что Лютер хотя бы отчасти был ответственен за обращение Кальвина.

Он был очень увлечен Лютером и тем, что говорилось в Реформации, что происходило в Реформации. Мы также говорили о других людях, которые уже оказали на него влияние во время Реформации. Хорошо, еще два влияния.

Предпоследнее, мне, возможно, следовало бы сохранить это напоследок, чтобы показать, насколько это важно, но это Библия, конечно. Он был человеком слова. Он был человеком писания.

Итак, Библия стала самым важным влиянием на Жана Кальвина. Прежде всего, Кальвин — толкователь Библии. Что бы вы ни думали о Жане Кальвине, он был человеком, который толковал писание и так далее.

Хорошо, и последнее — это то, что я только что записал в своих заметках и других литературных источниках. Он находится под сильным влиянием Святого Августина, под сильным влиянием Святого Фомы Аквинского. Мы уже упоминали, как сильно на него повлиял Лютер.

Но на его пути попадает множество литературных источников, и в основном это теологические источники, которые он читает, но множество литературных источников помогают сформировать его чтение. Хорошо, это всего лишь введение. И затем есть еще одна вещь, которую я должен сказать, чтобы представить все это, и это то, что побудило его написать «Наставления».

Я просто хочу привести несколько причин, по которым он написал «Наставления», потому что это стало делом его жизни. Я имею в виду, он написал много других вещей, но «Наставления» — это то, что нас интересует здесь с точки зрения его теологии. Итак, хорошо, очевидно, Святой Дух побудил его, но вот несколько основных причин.

Хорошо, и он рассказывает нам все это в Институтах, так что вам не придется гадать. Он очень хорошо умеет все это раскладывать. Но главная причина написания Института заключалась в том, что он хотел, чтобы Институты стали ключом к пониманию Библии.

Насколько он понимал, Институты были своего рода герменевтическим ключом к тому, что он называл хорошим и правильным пониманием Писания. Поэтому он хочет, чтобы люди читали его Институты; он хочет, чтобы люди имели Библию здесь и Институты здесь, читали Институты как способ открыть им Писание. Так что это ключ к пониманию Библии.

Это одна из причин, почему он пишет это. Да. Да, в некотором смысле, я имею в виду, в некотором смысле, это и то, и другое, и потому что когда в Институтах, когда он делает библейскую ссылку и объясняет эту ссылку, он хотел бы, чтобы люди также читали эту ссылку в тексте.

Так что, вероятно, и то, и другое, и вместо того, чтобы сначала прочитать все «Наставления», которые стали двухтомником, а затем прочитать Библию. Вероятно, и то, и другое; продолжайте читать и то, и другое, вероятно. Потому что, как он объясняет, он хотел бы, чтобы вы посмотрели на этот текст.

Что-то еще здесь, эта первая причина, открытие Библии людям. Хорошо. Вторая причина, это то, что он назвал, я излагаю сумму религии.

Я даю краткое изложение религии. Я даю то, что является самым важным в религии. Под религией он подразумевал христианство.

Он не имел в виду религию в целом, но он излагает сумму религии. Он упорядочивает ее, дает вам резюме. Что самое важное в религии? Что самое важное, замените слово христианство; что самое важное в христианстве знать? Ну, он считал, что если вы прочтете «Институты», вы как бы поймете это.

Хорошо. Номер три, Институты определенно являются своего рода, вот язык, о котором вы слышите в колледже Гордона, но своего рода христианским мировым порядком, христианской философией, как вы должны, как христианин, как вы должны смотреть на мир и на то, что в мире. Итак, христианский мировой порядок, видение мира христианским взглядом, понимание мира через христианские очки.

Конечно, это было важно для Жана Кальвина. Так что это христианская философия, которая здесь закладывается. Хорошо.

Номер четыре — это апологетическая работа. Нет никаких сомнений. Кэлвин защищает, и он хороший апологет.

Он защитник христианской веры, но он защитник христианской веры, как ее понимала Реформация. Поэтому он использует принципы Реформации, герменевтику Реформации и т. д., чтобы защитить христианскую веру. Нет сомнений, что это апологетика.

Эта работа — апологетика. Это защита веры, в этом нет никаких сомнений. Так что, ладно.

И наконец, есть действительно евангельское предисловие, евангельская причина написания книги. Кальвин говорит нам, что он хочет достичь потерянных, написав эту книгу. Теперь, однако, это немного изменилось.

Итак, позвольте мне показать вам, как это изменилось. Он написал первое издание в 1536 году. Первое издание «Наставлений» было определенно написано для людей, которые не учились, для людей, которые не знали многого о Библии или о церкви.

Это было очень евангелизационным, попытка привести их к вере во Христа и проникнуть в Священные Писания, стать членом церкви и так далее. Поэтому издание Институтов 1536 года было евангелизационным в этом самом базовом способе попытки донести до людей послание о Христе и так далее. Теперь, более поздние издания, по мере того, как Институты развивались все больше и больше, более поздние издания были на самом деле, или более поздний материал был на самом деле написан для пасторов и учителей церкви, чтобы помочь им понять, как они могут взять этот материал и стать хорошими евангелистами.

Как пасторы и учителя... Итак, материал становится намного сложнее. Аргумент становится намного более подробным, когда он пишет больше об Институтах. Итак, он знает, что более поздние издания Институтов не будут привлекательны для человека, который ничего не знает о христианстве.

Этот человек не поймет Институты. Но пастор и учитель будут лучше подготовлены к выполнению своей миссии и станут хорошими евангелистами. Так что есть евангелизационная цель, прежде всего, почти для необразованных в начале, но затем, по мере продвижения, это касается пасторов и учителей и так далее, и они становятся евангелистами.

Но есть евангелизационная цель, в этом нет сомнений. Так что, и мы хотим просто отметить, также, в плане этой последней вещи в плане введения в целом, что Кальвин написал много чего помимо Институты. Так вот, Кальвин писал и публиковал проповеди.

Он опубликовал катехизисы. Он опубликовал комментарии к Библии. Мы собираемся сосредоточиться на Институтах, но нам нужно помнить, что его труды объемны.

Итак, он был довольно замечательным. Хорошо, да, Джесси. Джесси, когда ты сказал, что это была апологетическая работа, это своего рода защита? Она часто защищает от римского католицизма, верно?

Он верил, и помните, он ушел из церкви, или он не ушел из церкви, церковь ушла от него. Так что это была не совсем истинная церковь. Были местные ; мы поговорим об этом. На самом деле, были местные католические церкви, которые он считал частью истинной церкви, без сомнения.

Но ему пришлось покинуть иерархическую церковь, чтобы остаться в истинной церкви. Так что это апологетика и защита от того, что он считал католической эрозией веры, да. Так что он действительно вступил в схватку с Римско-католической церковью, без сомнения.

Что-то еще в этом, просто пока мы остановились здесь, почему он это делает, что побуждает его это делать, и что мотивирует его это делать. Хорошо, давайте рассмотрим немного теологии здесь, когда он пытается говорить с церковью. И мы начнем с его Теологии человечества.

Я использую этот язык, потому что это язык Институты, Теологии Человечества. И мы посмотрим, сможем ли мы это понять. Теперь запомните, посмотрите на два, Доктрина Человечества; посмотрите на три, Доктрина Бога.

Помните, что сказал сам Кальвин: вся мудрость, которой мы обладаем, то есть истинная и суверенная мудрость, начинается с понимания Бога и нас самих, но что из этого приходит первым, трудно различить. Хорошо, мы верим ему на слово и начинаем с его Доктрины Человечества, а затем переходим к Доктрине

Бога. Мы могли бы начать с Доктрины Бога, а затем перейти к Доктрине Человечества, Человечества.

Итак, мы просто принимаем слово Кэлвина; мы просто придерживаемся его собственной методологии в этом. Итак, давайте начнем с нас. Хорошо, первым делом, позвольте мне вставить несколько слов, а затем мы их здесь вынесем.

О, у меня тут на самом деле был номинализм. Вы правильно написали номинализм? У меня тут на самом деле был номинализм. Хорошо, первое, что нам нужно сделать, это понять, как средневековая Римско-католическая церковь смотрела на человечество.

Что они понимали под человечеством, человечеством? Ну, это можно найти во фразе, *facere quod in seest*. Итак, и здесь мы будем использовать не так уж много видов слов и фраз, как латынь или что-то в этом роде, но только те, которые мы используем, вы познакомитесь. *Facere* что и говорилось.

Буквально, *фейсере quod in seest* означает делать то, что в тебе есть. И это был средневековый вид антропологии, что в людях все еще есть доброта, поэтому они способны делать то, что в них есть, делать правильные вещи, которые в них есть. Так что *facere quod in seest*, делай то, что в тебе есть, делай то правильное, что ты можешь сделать как человек. В тебе еще есть немного доброты, так что делай это.

Хорошо, это теология, которую Кальвин мог бы понять как хороший римский католик. Это то, в чем он был бы воспитан. Кальвин приходит и отрицает это; он говорит, что это неправда.

Ты не можешь делать то, что в тебе. Люди не могут делать то, что в них. Почему? Из-за первородного греха.

Итак, для Кальвина под первородным грехом он подразумевал, что мы все разделяем грех Адама, и слово, которое он использует в своих институтах, это образ Божий, который был изуродован в нас. Итак, образ Божий был изуродован в нас. Теперь, если вы едете по дороге и видите на дороге что-то, что много раз переезжали и действительно изуродовано, вы почти не можете сказать, что это, понимаете.

Ну, таково было понимание Кальвином первородного греха: образ Божий в нас изуродован, ладно. И поэтому, по Кальвину, наши духовные дары, которые ты можешь сделать, духовные дары, они полностью потеряны для Кальвина. Нет никакой возможности делать то, что в тебе есть, когда дело касается духовной жизни для Кальвина, потому что образ Божий в нас изуродован.

Однако, как напоминает нам Кальвин, напоминает нам Святой Августин, и Кальвин напоминает нам, что у нас есть естественные дары. У нас есть некоторая способность рассуждать, думать и говорить, и, вы знаете, это естественные дары, которые извращены, но не изуродованы. Так что даже если мы пали, даже если мы извращены, даже если мы больше не несем в себе образ Божий, потому что он изуродован в нас, мы все равно можем сложить два и два и получить четыре, или мы все равно можем обрабатывать свою землю, или мы все равно можем иногда быть добрыми к своему соседу, знаете, делать что-то хорошее, совершать добрые дела.

Хорошо, но эта способность делать то, что в тебе, делать, у тебя нет способности делать то, что в тебе, делать в духовном смысле. Ты можешь делать некоторые вещи в естественном смысле, но даже это испорчено. Так что даже у Кальвина был предвзятый взгляд на то, что ты можешь делать в естественном смысле, понятно? Хорошо, для Кальвина, основная жизнь людей с этого момента в их жизни, их повседневной жизни, в основном для Кальвина, заключается в том, что люди живут своей жизнью в полном бунте против Бога.

Вот что происходит с массами людей. Они не делают то, что в них должно быть сделано, что хорошо делать, потому что они не могут этого сделать. Они неспособны это сделать. Они живут своей жизнью в бунте против Бога, и поэтому у них нет оправдания за эти действия.

Хорошо, и корень всего этого для Кальвина в основном - гордость. Гордыня - это то, что мешает нам познать себя и познать Бога так, как мы должны. И просто для того, чтобы вы поняли, он назвал это вонючей гордостью.

Так что гордость — это то, что на самом деле мешает нам познать себя и познать Бога. Поэтому мы проживаем свою жизнь, восставая против Бога таким гордым образом, и вот оно. Хорошо, теперь, где здесь ответственность? Несу ли я какую-либо ответственность здесь как человек, живущий таким образом, который Кальвин как бы изложил в своей антропологии? Не как римско-католическая, *fac request in se est*, но антропология, которая является первородным грехом, наполненная первородным грехом, вонючей гордыней, мы восстаем против Бога и всего такого.

Есть ли у меня какая-то ответственность? Я иду слушать проповедь Кальвина в воскресенье утром в Женеве. Какова моя ответственность? Моя первая ответственность — увидеть себя грешником, восставшим против Бога, и исповедать эти грехи. Первая ответственность слушателя Евангелия — признать свои грехи и исповедать свои грехи.

Потому что если я не возьму на себя ответственность признать себя грешником и исповедать свои грехи, если я этого не сделаю, я никогда не познаю себя и

никогда не познаю Бога. Так что, по Кальвину, вы берете эту ответственность на свои плечи. Вы исповедуете свои грехи и подтверждаете, что вы грешник.

Это начало самопознания. Теперь, это был немного контркультурный день в средневековом мире, но это действительно контркультура. Это контркультурное послание в нашем мире, конечно, не так ли? Я имею в виду, в нашем мире, так ли люди думают о себе в первую очередь? Первым делом с утра они думают о себе как о грешниках, восставших против Бога.

Я не думаю, что люди думают о себе таким образом в нашем мире. Я не думаю, что они берут на себя ответственность за то, что думают о себе как о людях, которые находятся в состоянии бунта против Бога. Ответ Кальвина на это, конечно, был таким: пока вы этого не сделаете, вы не сможете; да благословит вас Бог; вы не сможете познать себя, пока не сделаете этого.

Как только вы это сделаете, вы начнете иметь реальное самосознание и самопознание, и это приведет вас к познанию Бога. И затем, чем больше вы узнаете о Боге, тем больше вы узнаете о себе. Так что для Кальвина это абсолютно важно.

Вот тут-то все и начинается. Теперь, когда дело доходит до этой доктрины человечества, Кальвин считал, что мне нужно что-то делать с этим микрофоном? Нет, ладно, ладно. Когда дело доходит до доктрины человечества, Кальвин считал, что каждый способен понять эту доктрину, когда слышит, как ее проповедуют с кафедры.

Нет никого, кто не может этого понять. Каждый способен понять. Вам не нужно быть человеком, и вам не нужно быть хорошим христианином, чтобы понять это сообщение.

Это может быть понято всеми. Так что для Кальвина в этом нет никаких сомнений. И что касается его, то все должны быть четко проинструктированы об этом.

Поэтому он хотел, чтобы люди в Женеве ходили в церковь, все граждане ходили в церковь, потому что как они могут быть хорошими гражданами, если они не знают себя как следует? Итак, хорошо, это первое, доктрина человечества или доктрина человечества, как мы бы сказали сегодня. Я просто использую язык, который был переведен в институты. Хорошо.

Ладно, полная развращенность, доктрина человечества, не факт, требующий сказать "да", но мы полностью развращены. Образ Божий изуродован в нас. Мы полны вонючей гордыни.

Мы восстаем против Бога. И, боже, это жестко, это жестко, знаете, контркультурное послание. Что-нибудь об этом послании? Я не прошу вас обязательно соглашаться с Кальвином.

Я прошу вас подумать о своей собственной теологии в связи с тем, чему нас учит Кальвин, и сказать, как это соответствует тому, что я думаю? Согласен ли я? Не согласен ли я? Полезно ли это для меня? Есть ли у меня дискуссия с Кальвином по этому поводу? Знаете, это самое главное. Итак, хорошо. Мы с этим согласны? Хорошо.

Учение о Боге — это С. Вся мудрость, которой мы обладаем, начинается с познания себя и Бога. Эти две вещи переплетены. Хорошо.

Хорошо. Итак, первое, что касается учения о Боге, это то, что ему понравилось слово «суверенный». Бог — суверенный Господь вселенной.

В этом нет сомнений. Но он не суверенный Господь вселенной, как учили номиналисты. Он суверенный Господь вселенной, и мы понимаем его суверенитет.

Мы понимаем его суверенитет, потому что этот суверенитет проявляется в любви. Он проявляется в справедливости. Он проявляется в его верности по отношению к нам и его благодати по отношению к нам.

Так что это не абсолютный суверенитет, что он будет делать то, что ему вздумается, и мы никогда не поймем, почему. Это были номиналисты, которые учили этому. Нет, это не так.

Это суверенитет, который прекрасно связан с нами такими способами. Так что это было важно. Теперь, интересно заметить, когда вы читаете Институты, как мы должны отвечать Богу. Вот те слова, которые вы читаете в нашем ответе этому Богу.

Мы должны бояться Бога. Мы должны чтить этого Бога. Мы должны доверять Богу.

Итак, это было не просто потому, что он суверенен и потому, что он демонстрирует свой суверенитет такими замечательными способами. Обратите внимание, когда вы читаете Институты, на слова ответа с нашей стороны этому Богу. Почитать, благоговеть, бояться, любить, доверять.

Вот как мы должны быть благодарны за то, что мы дети этого Бога. Поэтому наш ответ на это очень, очень важен. Хорошо, теперь еще одна вещь о самом Боге, и это слава Божья никогда не должна быть ущемлена каким-либо образом.

Вы всегда должны подчеркивать славу Божию. Вы никогда не должны делать или говорить ничего, что умаляет или вредит, или отрицает славу Божию. Поэтому просто читайте Псалмы и читайте о славе Божьей.

Итак, он много говорил о славе Божией. Мы также должны принять во внимание, что свобода Божия никогда не нарушается. Бог свободен, потому что он Бог.

Итак, вы никогда не сможете ослабить, выступить против или усомниться в свободе Бога. На самом деле, как мы увидим позже в его теологии, Бог свободен выбирать тех, кто будет спасен. И он свободен выбирать тех, кто будет проклят.

Это свобода Бога. Вы никогда не сможете нарушить эту свободу Бога. Вы никогда не сможете обесценить эту свободу Бога.

Он полностью свободен, потому что он Бог. Мы можем не понимать этой свободы, но тем не менее, для Кальвина он свободен. Итак, ладно, еще одна вещь, которую мы хотим отметить, когда речь идет о Боге.

Я имею в виду, очевидно, мы могли бы говорить о Боге до конца курса с Кальвином, но поскольку это своего рода обзорный курс, мы проходим через материал. Но мне нравится образ Бога как творца и искупителя. Бог — творец и искупитель.

И чтобы полностью понять Бога, мы можем понять его только во Христе, конечно. Христос — это полное откровение Бога. Именно Христос помогает нам понять природу Бога как творца и искупителя, потому что Христос — творец и искупитель.

Итак, его понимание Бога — это не понимание Бога без Христа. Это не унитарянство. Вернемся к Сервету.

У Сервета было унитарийское понимание Бога. Помните Михаила Сервета, который был сожжен на костре в Женеве? У него было унитарийское понимание Бога. Бог здесь, наверху.

Мы здесь внизу. Между ними есть разрыв. Конечно, для Кальвина это было не так, потому что лучшее понимание Бога у нас есть, когда мы смотрим в лицо Христа.

И Христос — создатель и искупитель, и это Бог. Так что, если вы хотите узнать, кто Бог, посмотрите на Христа. Вот как мы лучше всего понимаем Бога.

Ладно. Позвольте мне остановиться на минутку. Итак, начнем с Бога.

Извините. Мы начинаем с человечества, а затем вся мудрость, которой мы обладаем, начинается с познания Бога и нас самих. И мы идем к Богу.

И чем больше мы понимаем Бога, тем больше мы поймем себя. И чем больше мы понимаем себя, тем больше мы понимаем Бога. Это идет по кругу.

Итак, есть ли у вас какие-либо вопросы об этом замечательном круге, в котором мы находимся, когда мы начинаем теологию Кальвина? Это утверждение и инструкция. Когда он проповедует, он говорит людям, что вы никогда не должны быть ослаблены своими действиями. Вы никогда не должны ослаблять славу Божью своими действиями, своими словами, своими делами.

Вы всегда должны помнить, что вы стоите в присутствии славы Божьей, и вы никогда не должны делать ничего, что может каким-либо образом отвлечь от этого. Так что это одновременно и факт для Кальвина, и предостережение. Да.

Да, Руфь? Когда ты используешь термин, другие средства Христа, это что-то, что Бог имеет в виду? Христос — это полное откровение Бога. Да. Христос, мы понимаем Бога.

Как мы понимаем Бога? Мы понимаем Его целиком и полностью, глядя в лицо Христа. Итак, Христос есть, это слово, которое стало плотью и обитало среди нас. Это полное и совершенное откровение Бога.

Да. Что-то еще здесь о человечестве и Боге, знаете, это круговая штука. Так что, мы все с этим согласны? Ладно.

Да. Хорошо. Давайте перейдем к учению о церкви, номер четыре в вашем плане, но это третий вид учения, учение о церкви.

Ладно. Да, тут много всего. Доктрина церкви.

Ладно. Ладно. Во-первых, для Кальвина церковь никогда не бывает полностью падшей.

Церковь никогда не падала полностью. Церковь никогда не отпадала полностью от Бога. Итак, видите ли, церковь и то, что сделал Кальвин, это провел различие между видимой церковью и невидимой церковью.

Итак, давайте проведем это различие. Есть видимая церковь и невидимая церковь. Хорошо.

Итак, что такое видимая церковь? Видимая церковь — это церковь, которую вы видите вокруг себя. Это община, которая собирается в воскресенье утром. Это церковь на углу.

Это пастор, священник, принимающий Евхаристию или проповедующий Вечерю Господню, которую вы слышите. Но видимая церковь — это церковь, которую вы видите, церковь, которую вы видите своими чувствами. Это видимая церковь.

Хорошо. Теперь, для Жана Кальвина, очень важно отметить, что эта видимая церковь несовершенна, и мы это слишком хорошо знаем, не так ли? Эта видимая церковь — это несовершенная человеческая организация, и есть плохие священники, и есть плохие служители, и есть плохие миряне, и иногда, когда человек становится христианином, и вы приводите этого человека в церковь, то, что вы хотите сделать, это держать его подальше от некоторых святых церкви, потому что некоторые святые церкви — самые ужасные люди, которых вы когда-либо могли встретить. Некоторые святые церкви — это люди, с которыми вы не хотите, чтобы они общались.

Некоторые люди вне церкви гораздо приятнее некоторым святым в церкви. Так что видимая церковь несовершенна. В этом нет никаких сомнений.

Это порочная церковь. Это не идеальная церковь. Мы это признаем, сказал он.

Хорошо, но невидимая церковь, однако, это чистая церковь. Невидимая церковь это тело Христа, праведное тело Христа. Оно чистое.

Это чистое тело Бога здесь на земле. Это невидимая церковь, ясно? А видимая церковь содержит невидимую церковь. Так что внутри видимой церкви у вас есть чистая церковь.

Это там. Так вот, я всегда говорю студентам, и я скажу вам, потому что я не знаю вашего теологического бэкграунда. Я не знаю вашего церковного бэкграунда.

Я не знаю, откуда вы все пришли. Мне бы хотелось узнать это когда-нибудь. Может быть, в наших обсуждениях вы когда-нибудь захотите этим поделиться.

Но люди довольно быстро покидают церковь, как только в ней возникает какая-то проблема, плохой служитель или некоторые миряне создают проблемы или разделение в рядах или что-то в этом роде. Так что люди покидают церковь по разным причинам, и они, безусловно, покидают церковь. И некоторые из них являются законными причинами для этого.

Все, что я говорю людям, это хорошо подумайте, прежде чем вы покинете свою местную церковь или свою местную конфессию. Вы можете быть расстроены тем, что происходит, или в церкви могут происходить вещи, которые являются действительно плохими новостями. Но в каждой церкви есть невидимая церковь.

Есть чистая церковь. Каждая видимая церковь содержит в себе невидимую церковь. Так что там есть чистота.

Иногда я думаю, что нам нужно найти единомышленников в церкви, которые хотят реформировать эту местную церковь или реформировать эту конфессию, а не просто автоматически покидать ее. Но он сделал это великим; это было сделано Августином, и он подхватывает это и делает это для своего времени и для своей эпохи. Я думаю, нам нужно больше думать о видимой церкви в сравнении с невидимой церковью.

Невидимая церковь — это чистая церковь, без сомнения. И мы очень расстраиваемся из-за видимой церкви, не так ли? Я расстраиваюсь. Я определенно расстраиваюсь из-за видимой церкви, потому что в видимой церкви много злобы, горечи, ненависти и грязных вещей.

Но невидимая церковь всегда есть. Поэтому мы хотим помнить об этом. Может быть, Кальвин нам здесь поможет.

Ну, ладно. Это одно из того, что касается церкви. Если кто-то хочет об этом поговорить, то, конечно, добро пожаловать.

Мне бы очень хотелось узнать, какие у вас конфессии и какова ваша церковная жизнь. Может быть, в конце курса вы захотите поделиться этим со мной. Мне было бы просто интересно узнать, насколько мы расходимся.

Хорошо. Теперь, сказал Кальвин, если вы собираетесь попытаться найти это в своей жизни, вы собираетесь попытаться найти истинную церковь. Вы собираетесь найти церковь, которая, как вы думаете, является церковью Нового Завета, истинной церковью.

Каковы признаки истинной церкви? Кальвин сказал, что есть два признака истинной церкви. Истинная церковь, церковь Нового Завета, должна иметь эти два признака. Если нет, то это не истинная церковь.

Может быть, в нем еще есть какая-то чистота и так далее, но если ее нет, то эта видимость довольно ясна. Так что, ладно. Теперь, эти два знака, нет ничего важнее языка Кальвина здесь.

Итак, я собираюсь дать вам эти две оценки. Я собираюсь фактически процитировать их вам, потому что Кэлвин очень точен в этом. И каждое слово, это как адвокат.

Вы спросите, ну, что он имеет в виду? Но в любом случае, ладно. Итак, номер один, слово Божие проповедуется чисто. Слово Божие проповедуется чисто в истинной церкви.

Он не говорит, что слово Божие проповедуется. Он говорит, что слово Божие проповедуется чисто, правильно проповедуется, правильно разделяя слово истины, понимаете. Это первая характеристика.

Если вы обнаружите, что слово Божье проповедуется чисто, вы знаете, что у вас там невидимая церковь, вы знаете, истинная церковь. Хорошо. Так что, у нас там все в порядке? Слово Божье проповедуется чисто.

Хорошо. Второе, таинства, совершаются законно. Таинства, под которыми он подразумевал крещение в Вечере Господней, и мы собираемся, я думаю, в самом конце, разве мы не дойдем до таинств? Может быть, мне следует упомянуть об этом.

Ну, посмотрим. Думаю, мы доберемся до таинств позже. Но в любом случае таинства совершаются законно.

Хорошо. Итак, они должны быть отправлены так, как они были установлены Христом. И, конечно, для Кальвина, быть действительно отправленным означает, что они должны быть отправлены рукоположенным пастором.

Нельзя, чтобы миряне совершали таинства и крестили людей в них. А он, между прочим, верил только в крещение в Вечере Господней. Так что этого быть не может.

Итак, хорошо. Итак, это истинный признак церкви. Слово Божие проповедуется чисто.

Таинства совершаются законно. Теперь есть юрист. Есть юрист.

Каждое слово имеет значение. Он имеет в виду каждое слово. Он говорит о каждом слове, понимаете.

Ну, вот там проходит адвокат. Ну, ладно. Ладно.

Мы уже говорили о том, стоит ли вам покинуть церковь. Не знаю, есть ли что-то еще, что нам нужно сказать. Стоит ли вам покинуть церковь? Ну, может, мне стоит сказать пару вещей.

Стоит ли вам уйти из церкви? Я уже говорил об этом ранее, но ладно. Во-первых, только Бог знает, кто избранные. Вы не знаете, кто избранные.

Итак, если вы думаете о том, чтобы уйти из церкви, вы можете подумать об этом, потому что она может стать еретической и так далее. Возможно, все еще есть люди, которых Бог избрал для спасения. Возможно, в этой церкви все еще есть избранные люди.

Итак, это один вопрос о том, стоит ли вам покидать церковь. Только Бог знает, кто избранные. Позвольте мне упомянуть два и три, а затем я дам вам передышку.

Но позвольте мне упомянуть два и три. Это очень интересно. Кальвин не был антикатоликом.

Кальвин не соглашался с иерархической католической церковью, как и Лютер. Но Кальвин верил, что местная католическая церковь может быть частью невидимой церкви. В этой местной католической церкви может быть настоящая чистота.

Это слово можно было бы правильно проповедовать, и что таинства могли бы быть законно отправлены. Только Бог знает это. Но Кальвин, как и Лютер, не осуждал католическую церковь.

Кальвин, как и Лютер, осуждал иерархию и структуру католической церкви. Но местная католическая церковь на той же улице, ни Кальвин, ни Лютер никогда не осуждали это. Они верили, что возможно, что церковь является частью невидимой церкви.

Итак, Кальвин и Лютер не были похожи на американских фундаменталистов сегодня. Сегодня есть американские фундаменталисты, которые настолько антикатоличны, что нет хороших католиков. Нет хороших католиков и нет хорошей католической церкви.

Вы вообще не можете претендовать на это с Кальвином и Лютером. Во многих церквях, католических, протестантских и восточно-православных, есть невидимая церковь, в этом нет сомнений. Хорошо, мы также должны упомянуть, что если вы покинете церковь, есть предупреждение, которое Кальвин всегда дает здесь, и это, помните, вне церкви нет спасения.

Нет спасения вне церкви. Нужно быть в церкви, чтобы знать, слышать послание о спасении и вере во Христа и так далее, а затем созреть в этой жизни. Так что вне церкви нет спасения вообще.

Так вот, Кальвин был очень строг в этом вопросе. Спасение вне церкви не найти. Не знаю.

Мне проповедовать здесь? Да, я буду проповедовать. Хорошо, я буду проповедовать сейчас. Я больше не учу.

Я проповедую. Иногда есть тонкая грань. Так, в колледже Гордона, поскольку вы ходите в часовню два или три раза в неделю, вам все равно нужно ходить в церковь в воскресенье утром.

Вам нужна община верующих, с которыми вам комфортно поклоняться, принимать Вечерю Господню, крещение и причастие, и слушать проповедь слова Божьего. Вам это нужно, потому что эта община очень важна для вашей жизни. То, чего я часто боюсь больше всего, я должен сказать, когда это записывается, я думаю, что это.

Чего я часто больше всего боюсь в отношении студентов колледжа Гордон, так это того, что когда вы закончите учебу, вы не найдете сообщества верующих, с которыми можно было бы молиться, потому что вы можете быть, знаете, на первом курсе или около того, на втором курсе, на третьем курсе, и чем больше вы отдаляетесь от сообщества верующих, тем больше вы находитесь вне церкви, в которой Кальвин сказал, что вне церкви нет спасения, но чем больше вы находитесь вне сообщества верующих в теле Христа, тем легче это становится сделать. И затем, наконец, это как бы вы и Иисус, и просто вы читаете свою Библию и так далее. Кальвин бы вообще не купился на это.

Вам нужно тело Христа. Вам нужно сообщество верующих, чтобы знать, кто вы и что такое Бог, вы знаете. Поэтому я умоляю вас, когда вы покинете колледж Гордона, где бы вы ни поселились, найдите сообщество верующих, найдите местную церковь, вы знаете.

Пожалуйста, сделайте это. Это действительно важно. Так что, хорошо, теперь я проповедую, так, и я не дал вам ваши пять секунд, поэтому я делаю это сейчас.

Так что просто потянитесь, отдохните, что угодно, вы знаете. Пять секунд. Вы заслужили перерыв.

Сейчас утро понедельника. Мне тебя не очень жаль, потому что в среду и пятницу, в среду и пятницу ты будешь не отдыхать, а в библиотеке, и

заниматься, и читать книги, и все такое. Так что я буду думать о тебе в среду и пятницу.

А здесь случайно нет никого из Вирджинии? Я буду в Уильямсбурге, Вирджиния. Там прекрасная местность, поэтому и ретрит находится в Уильямсбурге, Вирджиния. Очень мило, не правда ли? Это прекрасное место для этого.

Ладно, у тебя был перерыв? Ладно, мы немного поторопимся, а потом хорошей тебе недели, и увидимся в следующий понедельник. Ладно, номер, о, мы все еще в церкви. Мы еще не вышли из церкви, без каламбуров, но мы еще не вышли из церкви.

Хорошо, потому что нам нужно поговорить о служении в церкви, и у меня, возможно, будет время, чтобы сделать это, а затем нам нужно поговорить о таинствах, и у меня не будет времени, чтобы сделать это, но служение в церкви, так что. Хорошо, служение в церкви, есть два слова, которые действительно важно понимать, Кальвин, когда речь идет о служении в церкви. Хорошо, первое слово - священство всех верующих, священство всех верующих.

Теперь, священство всех верующих означает, что все верующие могут служить друг другу как священники. Я могу молиться за тебя. Я могу исповедовать тебе свои грехи.

Я могу дать вам совет. Священство всех верующих означает, что мы можем быть священниками друг для друга. Хорошо, теперь второе слово — призвание или призвание.

У каждого христианина есть призвание. У каждого христианина есть призвание. Ваше призвание в настоящее время — вы призваны быть студентами, и вы исполняете это призвание прямо сейчас, но мы не хотим путать эти два понятия, потому что священство всех верующих не означало, что вы могли проповедовать или что вы могли совершать таинства.

Проповедь, совершение таинств и толкование Библии были связаны с определенным призванием. Это призвание служения, поэтому иногда протестанты чувствуют, что это понятие священства всех верующих означает, о, я могу проповедовать, или я могу совершать таинства или что-то в этом роде, не для Кальвина.

Это не значит, что, поскольку для Кальвина проповедь и совершение таинств были связаны с определенным призванием служителя. Теперь, это призвание служителя или пастора было не лучше других призваний, может быть, чем быть учителем или заботиться о доме или что-то в этом роде. Это было не лучшее призвание.

У Лютера и Кальвина нет иерархии призваний, но это означало, что были определенные обязанности, которые мог выполнять только человек в этом призвании. Так что мирянин может молиться друг за друга, но мирянин не может проповедовать или совершать таинства. Так что эти два слова действительно очень, очень важны.

Хорошо. Еще одна вещь, которую мы должны отметить в плане служения, это то, что, насколько это касается, служитель, местный служитель в местной церкви, имеет большую власть, и она включает в себя такие вещи. Проповедь включала в себя учение, совершение таинств, администрирование, дисциплинирование мирян, дисциплинирование людей церкви и служение прощения.

Итак, когда люди исповедуют свои грехи, часть великого, великого служения и полномочия служения, которые есть у служителя, — напомнить им, что они прощены Богом. Хорошо. Теперь, помните, мы говорили, какое было одно из великих слов, из-за которого боролась Реформация? Это было слово уверенность, уверенность.

Часть полномочий служителя — убеждать людей, что они дети Божьи. И, черт возьми, это большая ответственность. Так что работа служителя включала в себя много действительно замечательных вещей.

Теперь, в общем, Кальвин сказал, что есть два министерских поста, и я просто упомяну это, затем мы должны пойти. Первый пост — это пост пастора. Хорошо.

Вторая должность — должность дьякона. Пастор был тем, кто проповедовал и учил. Дьякон был тем, кто выполнял работу служителей в церкви.

Некоторые из вас пришли из церквей, где есть пасторы и дьяконы, или, может быть, старейшины и дьяконы, или, может быть, пресвитеры и дьяконы. Так что вы должны быть очень знакомы с этим языком. Так что это были две должности, потому что это были единственные две должности для Кальвина.

Почему? Почему это были бы единственные две должности, которые он бы признал? Почему? Почему не другие? Потому что это те две, о которых он читал в Библии. Поэтому он чувствовал, что это те две, которые имеют библейский авторитет.

Это доктор Роджер Грин в своем курсе истории церкви, сессия 5 о Жане Кальвине.